

ДИСКУССИЯ

Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология»

2014. Т. 7. С. 81–95

Онлайн-доступ к журналу:

<http://isu.ru/izvestia>

ИЗВЕСТИЯ

*Иркутского
государственного
университета*

УДК 903«632»

Сырьевые стратегии в практике палеолита

А. Н. Сорокин

Институт археологии РАН, Москва

Аннотация. «Сырьевые стратегии» относятся к фундаментальным понятиям геоархеологии. Эта проблема рассматривается в статье на примере памятников среднего и верхнего палеолита Северо-Западного Кавказа. Терминологический анализ и изучение поведенческих моделей показывает, что термин «стратегия» вряд ли уместен по отношению действий мустьерского и верхнепалеолитического населения.

Ключевые слова: мустье, верхний палеолит, Северо-Западный Кавказ, сырьевые стратегии, добыча и транспортировка сырья, теория геоархеологии, сезонная цикличность, петроархеология, спектрометрия.

Введение

Обращение к тем или иным фундаментальным понятиям археологии происходит далеко не всегда специально, как говорят – по задумке авторов. Не знаю как другим, а мне почему-то чаще приходится сталкиваться с ними не при чтении специальной литературы и не тогда, когда рецензирую или сам пишу заявки в известные всем отечественные фонды, и даже не тогда, когда участвую в академических программах, а совсем неожиданно. Причем там, где, казалось бы, подобной проблематике не то чтобы совсем не место, но ее там трудно ожидать. Как показала практика, многие фундаментальные проблемы чаще всего обнажаются в ходе решения вполне рядовых вопросов. Не берусь судить, как у других, а со мной подобное обычно происходит при рецензировании статей молодых и начинающих исследователей. А также тогда, когда приходится писать отзывы на авторефераты или рукописи кандидатских диссертаций. Юные авторы, то ли в силу избыточной энергии, то ли переизбытка сваливающейся на них информации, то ли от своего максимализма и не всегда глубокого знания предмета, о котором они берутся писать или судить, умудряются поднять и походя «решить» такие глобальные вопросы, пласты и темы, над которыми безуспешно бьются многие поколения археологов. Свобода в суждениях, однако, далеко не всегда бывает им присуща, гораздо чаще встречаются штампы, характерные и для маститых исследователей. Но мы настолько уже привыкли к подобным клише и профессиональному сленгу в работах коллег старшего поколения, что практически не обращаем на них внимания, и только тогда, когда они звучат чуть более угло-

вато или резко, неожиданно для себя мы вдруг осознаем, что «король-то голый». Разумеется, подобное встречается далеко не во всех работах начинающих исследователей, но тем и ценны бывают произведения юных и наиболее из них талантливых, что нет-нет, да и предоставляют возможность старикам взглянуть на стандартные понятия археологии под новым, неожиданным углом или задуматься, а что же стоит за азбучными истинами, за нашими стандартными расхожими представлениями о том или ином понятии, феномене?

Вот и непосредственным поводом для этой статьи послужил автореферат начинающего, но, безусловно, одаренного исследователя – Е. В. Дороничевой [2013а], исключительно волею случая доставшийся мне на рецензирование. Темой автореферата служит использование сырья населением Северо-Западного Кавказа в среднем и верхнем палеолите. В силу своих профессиональных пристрастий я никак не могу отнестись к числу исследователей мустье и даже верхнего палеолита, хотя и бывал на ряде классических памятников, однако вопросы добычи, транспортировки и применения сырья, а также образа жизни и поведения первобытного человека служат предметом и моего пристального интереса. Более того, они являются общими для всего каменного века вне зависимости от конкретных пристрастий тех или иных исследователей. Вот почему я и взял на себя смелость не только поучаствовать в обсуждении этой темы, но и вынести свои суждения на суд читателей. Итак, перейду к изложению конкретного отзыва.

Вводные замечания

В современной археологии все большую роль начинают приобретать естественно-научные методы исследования, что неудивительно, ибо их применение позволяет существенно расширить познавательные возможности традиционных видов археологических источников. Одним из таких методов служит петроархеологический, блестящее применение которого продемонстрировано Е. В. Дороничевой. Изучение образцов сырья и артефактов из кремня и обсидиана с помощью петрографии, спектрометрии и рентгенофазового анализа позволяет с высокой долей вероятности определить происхождение минералов и «привязать» стоянки к конкретным месторождениям. Это чрезвычайно важно для выяснения образа жизни древнего населения, его миграций, общей поселенческой структуры, реального жизненного пространства и, в конечном итоге, служит прояснению конкретной истории региона.

Всего Е. В. Дороничевой были изучены коллекции шести стоянок, на которых просмотрено 15 169 каменных артефактов [Дороничева, 2013а, с. 4–5]. Это весьма выразительная выборка, особенно если учесть, что практически все памятники многослойные. Кроме того, ею было обследовано в поле 15 месторождений кремня [Там же, с. 10]. По тексту, правда, не ясно, какое количество образцов подверглось петрографическому и рентгенофазовому изучению? Тем не менее, впервые материалы обширного региона Северо-Западного Кавказа были подвергнуты фундаментальной проработке, что позволило достоверно определить месторождения, из которых поступали сырьевые ресурсы в течение значительного отрезка времени (более 100 тыс. лет).

Историографический очерк

Следует заметить, что впервые петрография начала использоваться в нашей стране применительно к стоянкам каменного века еще в 1950–1960-е гг. Значительную роль в этом сыграли работы канд. геол.-минер. наук Г. М. Ковнурко [1962, 1963, 1971], в которых был очерчен ареал карбоновых и меловых месторождений кремня на территории Восточной Европы и определена сырьевая база ряда известных к тому времени индустрий. К сожалению, этот сюжет оказался неизвестен Е. В. Дороничевой. А вот положительный опыт спектрографического изучения В. В. Наседкиным армянского обсидиана [Наседкин, Формозов, 1965] и В. Ф. Петрунем [1971] кремневых изделий ряда мустьерских стоянок Крыма, включая Староселье и Кабази, она, что отрадно, упоминает.

Напомним и то, что в начале 1990-х гг. В. И. Тимофеевым [1993] на основе спектрального анализа кремня, выполненного В. А. Галибиным, было доказано распространение в эпохи мезолита и неолита качественного мелового фиолетового кремня из месторождений Верхнего Поволжья в Прибалтику. Это позволило исключить тезис о влиянии населения кундской культуры на популяции Центральной России [Жилин, 2000] и пересмотреть традиционную схему заселения Прибалтийского региона [Сорокин, 2004, 2006].

Наряду с теми сведениями, которые приводит в своей рукописи Е. В. Дороничева, особенно если их расположить в хронологической последовательности, становится понятным, что петрографическое изучение сырья и артефактов успешно проводилось и в нашей стране, причем ничуть не позднее, чем в Западной Европе.

Обсуждение проблемы

Не буду детально анализировать главы 2 – «Источники исследования», 3 – «Методика исследования» и 4 – «Месторождения кремня, связанные со стоянками палеолита на Северо-Западном Кавказе». Замечу лишь, что все они выполнены на высоком научном уровне и показывают профессиональное владение диссертантом методикой аналитических исследований, знание материала и литературы. Остановлюсь подробнее на содержании главы 1 – «История изучения источников каменного сырья и способов их использования человеком среднего и позднего палеолита Западной Евразии» и трех аналитических глав: 5 – «Сырьевые стратегии древнего человека в среднем палеолите Северо-Западного Кавказа», 6 – «Сырьевые стратегии древнего человека в позднем палеолите Северо-Западного Кавказа» и 7 – «Сравнительный анализ сырьевых стратегий в среднем и позднем палеолите на Северо-Западном Кавказе», а также коснусь основных выводов работы.

Необходимо сразу отметить, что главное достоинство диссертации Е. В. Дороничевой состоит в том, что ей удалось определить реальные источники сырьевых ресурсов, которыми пользовались на конкретных стоянках. Немаловажен и тот факт, что ею освоена и пунктуально применена на прак-

тике адекватная методика петроархеологического анализа материалов конкретного полигона.

Нет сомнения, что работа Е. В. Дороничевой заслуживает самой высокой оценки, она вызывает законный интерес и требует, после незначительной стилистической правки, скорейшей публикации. Тем не менее в ней содержится ряд дискуссионных положений и утверждений, которые не просто необходимо обозначить, но и попытаться переосмыслить до передачи рукописи в издательство. Полагаю, что наименее удачно написана историографическая глава 1. Поскольку она чрезвычайно скупо изложена в автореферате, приходится прибегнуть к самой рукописи [Дороничева, 2013б]. Несмотря на ее общую содержательность, историографический раздел требует реформатирования, ибо начат он с Франции. Работы французских исследователей имеют бесспорное значение для палеолитоведения и мировой науки в целом, однако начинать данный раздел всё же было бы лучше с территории России, изучению материалов которой и посвящена рецензируемая работа. И тут уместно сначала обратиться к истории изучения Кавказа в целом или его конкретного Северо-Западного региона. А здесь, как известно, приоритетное значение имеют работы С. Н. Замятнина [1934, 1961], А. А. Формозова [1965, 1971, 1977], П. У. Аутлева [1973, 1994], В. П. Любина [1970, 1977, 1984, 1989, 1994, 2009], Н. О. Бадера [1984], В. Е. Щелинского [1974, 2009] и Х. А. Амирханова [1986]. Разумеется, не лишне в их числе будет вспомнить Л. В. Голованову и В. Б. Дороничева [Голованова, 1994; Голованова, Дороничева, 2003; Пещера Матузка, 2006, Треугольная пещера ... , 2007], материалы полевых исследований которых составили фундамент обсуждаемой рукописи.

Основная масса сведений как по Восточной, так и Западной Европе, которая приводится в главе 1, весьма поздняя: за редким исключением это публикации 1990-х – начала 2000-х гг. Досадно, но в историографии нет анализа работ Г. А. Бонч-Осмоловского по Киик-Кобе [1940], П. П. Ефименко по Костенкам 1 [1958], А. А. Формозова по Крыму [1958] и Прикубанью [1965, 1971, 1977], Ю. Г. Колосова по мустьерским стоянкам в окрестностях г. Белогорска [1983, 1987], В. П. Любина [1970, 1977, 1984, 1989, 1994] по мустьерским памятникам Кавказа. А ведь это реальная отечественная классика. Да и вопросов использования сырья, в рамках обсуждаемых тем, все они, так или иначе, касались.

Пропущены в главе 1 работы Р. Шильда [Schild, 1964, 1975, 1976, 1989] по финальному палеолиту Польши, где имеется детальный разбор «сырьевого вопроса», а среди публикаций З. Сулгостовской упомянута единственная статья 2006 г., тогда как ее статьи 1989, 1999, 2001 гг. и монография 2005 г. [Sulgostowska, 1989, 1999, 2005; Сулгостовска, 2001] о структуре свидерских поселений и сырьевой базе остались Е. В. Дороничевой неизвестными.

Сведения по памятникам Русской равнины довольно скудны и начинаются почему-то со статьи В. И. Беляевой 2006 г. [Дороничева, 2013б, с. 18, 19]. Правда, чуть ниже написано: «Самый подробный анализ использования кремня в костенковских памятниках принадлежит П. И. Борисковскому [1963]» [Там же, с. 20]. Потом, однако, перечисляются достаточно поздние

работы по территории Украины [Сапожникова, Коробкова, Сапожников, 1995; Степанчук, 2006, Колесник, 2003] и вдруг совсем неожиданно вспоминается более ранняя работа по сырью мустьерских стоянок Крыма, принадлежащая В. Ф. Петруню [1971]. Не ясно, почему отмечены поздние работы украинских исследователей В. П. Чабая [2004] и В. Н. Степанчука [2002, 2006] по мустьерским стоянкам Крыма [Дороничева, 2013б, с. 22–24]. Зато совсем не упомянуты труды Г. А. Бонч-Осмоловского [1940], А. А. Формозова [1956, 1977] и Ю. Г. Колосова [1983, 1986], чей вклад в изучение мустьерской культуры Крыма в целом и вопрос о сырьевых ресурсах конкретных стоянок в частности – неоспорим.

Краткая история изучения памятников Кавказа, размещенная после Леванта, тоже стартует почему-то с 1990-х гг., а основополагающая монография В. П. Любина [1977] упоминается значительно позже публикаций начала 2000-х гг. [Дороничева, 2013б, с. 26–28]. Верно отмечая, что история изучения сырьевых стратегий на Северном Кавказе начинается с исследований Ильской стоянки С. Н. Замятниным [1934], повествование почему-то тут же перескакивает на 1980-е и 2000-е гг. [Дороничева, 2013б, с. 29]. Полагаю, нет необходимости продолжать, и сказанного достаточно, что глава 1 требует серьезной переработки.

Теперь, что касается аналитической части. Не подвергая сомнению полевые наблюдения и лабораторные исследования, детально описанные и лежащие в основе работы (главы 2–4), остановлюсь лишь на некоторых выводах Е. В. Дороничевой, которые изложены в ряде случаев достаточно прямолинейно, но допускающих, по моему мнению, иную, чем предложено, интерпретацию.

Сначала о понятии «сырьевые стратегии». В автореферате его толкование отсутствует, но оно имеется в основном тексте, что, правда, не совсем равноценно. Е. В. Дороничева пишет: «Понятие “сырьевые стратегии” включают в себя изучение месторождений сырья, методов его транспортировки, расстояний, на которые оно переносилось, и вариантов использования» [Дороничева, 2013б, с. 64]. При этом отмечает, что «Каменное сырье в материалах стоянок делилось на “местное” (доставлявшееся с расстояния 2–5 км) и “приносное” (приносившееся с расстояния более 5 км)» [Там же, с. 67]. Попробуем с этим разобраться подробнее.

В «Словаре иностранных слов» даются два толкования термина «стратегия», первое из них – это «высшая область военного искусства, охватывающая вопросы теории и практики подготовки вооруженных сил к войне и ее ведению». Второе – «искусство руководства общественной, политической борьбой, общий план ведения этой борьбы...» [Словарь иностранных слов, 1989, с. 486]. Как видим, ни то, ни другое не подходит к понятию «сырьевые стратегии», прежде всего потому, что корректного доказательства наличия такого целеполагания у неандертальцев, если судить по литературе, нет. Да и с сапиенсами дело обстоит не лучше. Значит, речь в конкретном случае идет лишь об обычном заимствовании иностранного термина, но кальки не всегда хороши. Впрочем, диссертант вправе, разумеется, использовать любые тер-

мины, если они адекватно отражают понятия, и им нет русских эквивалентов, что не совсем так в конкретном случае. Во всяком случае, для разнообразия в тексте вполне можно было использовать и более нейтральные понятия, как освоение (использование) сырьевых ресурсов, выбор залежей или поиск месторождений и добыча сырья. Тем не менее, отряхаясь от словарных значений, если следовать логике Е. В. Дороничевой, под стратегией следует понимать выработку осознанного алгоритма поведения. Постараемся разобраться, насколько это могло иметь место в древности?

Прежде всего напомним, что Е. В. Дороничева озаглавила свою работу как «сырьевые стратегии древнего человека» и один из основных выводов, к которому она приходит, состоит в том, что неандертальцы довольствовались главным образом местным, часто низкокачественным камнем [Дороничева, 2013а, с. 19]. В этой связи возникает вопрос, можно ли вообще назвать стратегией сбор сырья в местах обитания? Или это, напротив, отсутствие какой бы то ни было стратегии? Думаю, скорее, второе. Полагаю, за подобным выбором (предпочтением) скрывается не модель поведения, а совсем другое: технологическая обусловленность, точнее ее полное отсутствие, своеобразная сырьевая неприхотливость. Недаром и распространен на изучаемых территориях Северо-Западного Кавказа был микок, когда требования к сырью были минимальными, и пригодным для расщепления был практически любой более-менее колющийся материал. А вот поиск месторождений качественного кремня – это реальные усилия (действия) или, если следовать терминологии Е. В. Дороничевой, «стратегии», но доказательств их присутствия у неандертальцев в тексте не приведено. Следовательно, вопрос о наличии оных у неандертальцев остается открытым. Вслед за этим возникает новый вопрос, а были ли они присущи сапиенсам?

Поведенческая модель

Чтобы ответить на данный вопрос, придется рассмотреть другой сюжет, связанный с зональностью. Здесь приходится заметить, что используемое Е. В. Дороничевой деление на три зоны разной удаленности стоянок от источников каменного сырья (ближняя – до 5 км, средняя – 5–70 км и дальняя – 70–300 км) [Дороничева, 2013а, с. 12, 13], хоть и заимствовано из западной литературы, довольно далеко от действительности, ибо достаточно произвольно и не соотносится с практическими возможностями человека. Мало того, что невозможно, как справедливо отмечает Е. В. Дороничева, подсчитать конкретный километраж в условиях гористой местности и пересеченного рельефа, здесь практически никак не учитывается бытовая составляющая образа жизни и физические возможности первобытного человека. А также практически не учитывается сезонная цикличность передвижений первобытных коллективов, которую никто пока достоверно не отменил и возможность которой Е. В. Дороничева допускает [Дороничева, 2013б, с. 17, 18, 35, 68, 151, 177].

Полагаю, что в конкретном случае рациональнее подходить не с произвольными цифрами, а с ином, вполне практической, меркой. Совершенно очевидно, что при расчетах в качестве таковой должен использоваться не

случайный километраж, а вполне адекватный и хорошо известный шаг в «день пути». Несложный подсчет показывает, что при пешем образе жизни сходить за камнем и вернуться к месту стоянки в течение одного дня можно в среднем на расстояние не более 20–25 км. То есть в соответствии с «днем пути» общая длина маятникового перехода могла составлять порядка 40–50 км. Это и есть реальная ближняя зона передвижений. Разумеется, поправку надо делать на пересеченность местности и другие неблагоприятные условия, которые могут это расстояние резко сократить, но вряд ли до 5 км. Не повредит учесть и время, затраченное на сборы, что также могло реально сказываться на преодолеваемых расстояниях. Но это и позволяет говорить о максимально возможной протяженности маршрута, а не об абсолютной и идеальной.

Средняя зона не может превышать двухдневных переходов с одной ночной остановкой. В цифрах это составит, по-видимому, те же 40–50 км, но в одну сторону, и столько же предстоит пройти на следующий день уже с грузом – в обратную. Подобный переход осуществим на взятых в дорогу съестных припасах, без существенного пополнения оных. Передвижение на расстояние свыше 50 км в подобном же темпе невозможно. Для этого потребуется или специально организованная «экспедиция» или транспортировка сырья в рамках годового, хозяйственного цикла, когда движение с грузом осуществляется спорадически, от одной временной стоянки до другой, от мест летнего проживания к местам зимовки или наоборот, пока груз не будет благополучно доставлен на базовую стоянку. Точнее, это будет не столько груз, сколько изделия, использовавшиеся в быту и «кочующие» вместе с человеком. Судя по всему, именно такие перемещения ресурсов и были характерны для первобытного населения. Но в этих случаях придется говорить не о «сырьевой стратегии», а об общей мобильности населения в рамках сезонной цикличности.

Понятно также, что при подобном алгоритме в запасах практически не остается необработанного сырья, носить которое вообще нецелесообразно, будет отмечаться единичность, точнее случайность, нуклеусов и заготовок, малочисленность крупных форм и, напротив, многочисленность комбинированных и переоформленных орудий мелких размеров. Это и показывают археологические реалии, когда удается проследить взаимосвязь артефактов с конкретными месторождениями, разделенными расстояниями в 500–800 и более километров [Gordon, 2003, Сулгостовска, 2001]. Таким образом, подсчет показывает, что все сырье в радиусе до 50 км является «местным», а все, что свыше этой цифры – «импортным» или «приносным». Это означает, что в результате понятие «стратегии» превращается в банальную сезонную цикличность, основанную на памяти, как единственном способе сохранения и передачи информации в первобытном обществе, и годовом хозяйственном цикле.

Возникает вопрос, можно ли разделить специальный «поход за камнем» от его транспортировки в ходе сезонных кочевок? Думаю, исключено, ведь археология фиксирует лишь сам факт перемещения предметов в пространстве, но никак не скорость транспортировки и даже не то, происходило ли это в один сезон или процесс длился несколько лет. Фактически, в случае удачи археологически фиксируется общая протяженность маршрута, но не его конкретные

отрезки и время их преодоления. Значит, вывод о мобильности тоже остается за рамками наблюдения. Есть и другая сторона. Привязанность к «местным месторождениям» вообще лишает всякой основы идею мобильности, ибо она может фиксироваться исключительно присутствием экзотических артефактов и никак иначе. Повторюсь, если используется экспонированная на поверхности «местная» залежь, вопрос передвижений популяций археологически вообще неразрешим. Лишь энное число пунктов одного времени может локализовать ареал и сделать территорию культуры осязаемой, но это не имеет отношения к вопросам сырьевых стратегий, впрочем, как и мобильности.

Миграции животных, как известно, определяются климатом, экологией, сменой времен года, этологией конкретных видов и их неперменной естественной сезонной цикличностью. Никому не приходит в голову рассматривать передвижения животных в пространстве как стратегию. Следовательно, и в отношении доисторических популяций должны быть продуманы и выработаны критерии, позволяющие отличить их естественные сезонные подвижки (кочевья, миграции) от осознанного поведения, целеполагания или, иначе, стратегии. Я вынужден склоняться к первому – биологической практике выживания вида и естественном характере сбора сырья, ибо для тех времен, о которых идет речь, преднамеренную организацию специальных походов за камнем предполагать не приходится. Во всяком случае, доказать это невозможно. Все сказанное свидетельствует, что любые заимствования должны быть осознанными, поэтому основные понятия археологии, в том числе, казалось бы, ясные и очевидные, требуют своего теоретического обоснования и практической разработки, а не слепого калькирования.

Не буду останавливаться на других, применяемых часто без пояснения, понятиях, как круговая, радиальная, резидентная и логистическая мобильность, стоянки активного обитания или довольно неопределенном своим географическим содержанием термине «Западная Евразия», которым открывается глава 1 диссертации. Но более всего неудачно использование Е. В. Дороничевой термина «эпипалеолит» [Дороничева, 2013а, с. 4, 14, 16, 17, 21], куда она относит материалы, возраст которых определяется в 17–10 тыс. л. н. Следует упомянуть, что использует она его без всякого пояснения, как в автореферате, так и в рукописи. Однако не всякое заимствование полезно.

О терминологии и стилистике

Как известно, «эпи» – это первая часть сложных слов, обозначающая «расположение поверх чего-либо, после чего-либо, следование за чем-либо» [Словарь иностранных слов, 1989, с. 602]. Если дословно, то в конкретном случае он должен обозначать «после палеолита», т. е. это синоним мезолита. В этой связи уместно напомнить, что термин эпипалеолит использовался в таком значении вплоть до середины XX в., когда после дискуссии 1950–1960-х гг. ему на смену и пришел другой, ныне принятый, – «мезолит». Последняя, кто употреблял термин «эпипалеолит», была Р. К. Римантене [1971], которая подразумевала под ним голоценовые стоянки, в инвентаре которых имеются пережиточные палеолитические черты. Реанимация этого слова в работе

Л. В. Головановой и В. Б. Дороничева [2012] вряд ли удачна, ибо им они обозначают позднеплейстоценовые памятники, позднепалеолитический возраст которых никем под сомнение не ставится. В настоящее время устоявшимся считается подразделение верхнего палеолита на ранний и поздний этапы или раннюю и позднюю пору, хронологические рамки которых заключены в интервалы 40–20 и 20–10 тыс. л. н. Более того, в рамках позднего этапа в европейской литературе выделяется эпоха финального палеолита (14/13,5–10 тыс. л. н.). На этом фоне возвращение термина эпипалеолит ничего, кроме путаницы, не прибавляет.

В ряде случаев в рукописи присутствует довольно прямолинейное и однозначное, причем не всегда верное, толкование полевых наблюдений. Например, в разделе 7.3 Е. В. Дороничева утверждает: «...перемещение обсидиана позволяет говорить об определенных контактах, существовавших с начала верхнего палеолита между этими группами населения... Анализ изделий из обсидиана, которые поступали с юга Грузии, в ранних верхнепалеолитических слоях Мезмайской пещеры подтверждает культурные связи населения этих территорий» [Дороничева, 2013б, с. 172]. Или другое: «Анализ изделий из обсидиана, который поступал с юга Грузии в ранние верхнепалеолитические слои Мезмайской пещеры, подтверждает культурные связи населения Северо-Западного и Южного Кавказа...» [Там же, с. 179]. Возникает вопрос, почему это контакты и связи, а не использование разными популяциями одних и тех же месторождений, причем в разное время и независимо друг от друга при практическом отсутствии каких-либо связей или контактов? Но ответа, разумеется, нет.

В разделе «7.1 Месторождения кремня и расселение человека» утверждается: «В начале верхнего палеолита происходят значительные изменения в стратегиях использования сырья. Вероятно, с внедрением пластинчатой техники расщепления, люди стали способны транспортировать большее количество нужного им качественного сырья на большие расстояния» [Дороничева, 2013б, с. 167]. Здесь явно имело место совсем иное: пластинчатая техника невозможна на плохом некачественном сырье – это заставляло людей целенаправленно искать месторождения, фактически привязывало человека к сырьевым источникам, следовательно, дело не в способности или появлении каких-то новых возможностей, а в примате необходимости транспортировки камня к местам обитания. Ниже Е. В. Дороничева продолжает: «Это нашло отражение в том, во-первых, что стоянки верхнего палеолита были менее привязаны к местным источникам каменного сырья. А во-вторых, это сделало группы ранних сапиенсов более мобильными, чем были неандертальцы, что также, вероятно, способствовало активному широкому расселению ранних сапиенсов и освоению новых экологических ниш...» [Там же]. Оба утверждения неточны, во-первых, потому, что плохие желваки не представляли для сапиенсов с пластинчатой технологией производственного интереса, поэтому речь о «меньшей привязанности» не идет. И, во-вторых, потому что основу выживания человека составляет не камень, а пищевые ресурсы. Судя по всему, мобильность (подвижность) сапиенсов определялась весьма прозаично:

отсутствием достаточного количества фауны рядом с месторождениями качественного сырья. А вот микокская технология неандертальцев, не требовавшая качественного сырья и позволявшая довольствоваться тем, что имелось в избытке, делала их независимыми от конкретных месторождений и, естественно, территорий. Их способность использовать любое сырье делало их свободными в выборе мест обитания. В этом отношении технический прогресс оказался куда как более зависимым и привязал сапиенсов к месторождениям качественного сырья.

Не могу согласиться и с утверждением в разделе «7.3 Способы транспортировки сырья», что «...возможность транспортировать сырье в виде нуклеусов была связана... с внедрением пластинчатой техники расщепления. Это повысило мобильность человека, и было существенным прорывом по сравнению с неандертальцами, привязанными к источникам местного сырья» [Дороничева, 2013б, с. 172]. Смею утверждать, что мобильность человека не зависит от технологии каменного производства, напротив, пластинчатая технология жестко привязывает человека к источникам качественного сырья, и, значит, ограничивает способность к передвижениям. Передвигаться его заставляет другое, более важное обстоятельство: отсутствие достаточного объема пищи в местах сосредоточения качественных сырьевых запасов, что и позволяет фиксировать реальные границы территории обитания сапиенсов, в отличие от ареала неандертальцев.

По мнению Е. В. Дороничевой, «...местное сырье в Мезмайской пещере использовалось только для получения ретушированных отщепов и почти никогда из него не делались пластинки, микропластинки, скребки и резцы, изготавливавшиеся из приносного высококачественного сырья» [Там же, с. 173]. Здесь то же самое: спутаны причина и следствие. Качество местного сырья не позволяло получать из него пластинки и микропластинки, поэтому они и не изготавливались из плохих желваков и, напротив, отсутствие качественного сырья вынуждало человека отправляться за ним к местам его залегания.

Вызывает возражение и утверждение, что «в верхнем палеолите пластинчатая технология расщепления обеспечила человеку меньшую зависимость от локальных ресурсов, более высокую мобильность и возможность расширения территории обитания» [Там же, с. 178]. Уверен, что в действительности все было с точностью до наоборот: из-за изобретения и внедрения пластинчатой технологии люди вынужденно стали более избирательны в своих предпочтениях. Они просто обязаны были отказаться от некачественного сырья, это жестко привязало их к сырьевой базе. Увеличилась ли при этом мобильность, сказать невозможно. Да, археологические материалы благодаря качественному кремню позволяют четче фиксировать территории обитания сапиенсов, ибо легко узнаваемы в отличие от изделий неандертальцев. А вот хозяйственная территория неандертальцев на фоне нелокализуемых площадей плохого каменного сырья не очень поддается очерчиванию. Повторюсь, ориентация неандертальцев на местное сырье не говорит об их низкой мобильности. Неприхотливость к сырью – это всего лишь показатель «всеядного» характера их каменной технологии. А разнесенность месторож-

дений и артефактов в пространстве у сапиенсов тоже не указывает на их высокую подвижность, а отражает исключительно кормовую территорию популяций, ибо время движения нам, увы, неизвестно.

Есть, к сожалению, в тексте и стилистические погрешности, из которых упомяну всего три. Первая из этих фраз завершает автореферат: «В верхнем палеолите поступление обсидиана с юга Грузии на Северо-Западный Кавказ, наряду с культурной близостью, дают *основание говорить о существовании контактов между этими территориями...* (здесь и далее курсив мой. – А. С.)» [Дороничева, 2013а, с. 24, 25]. Две другие значатся в основном тексте. Там, в разделе «7.2 Мобильность и освоение территорий» можно прочесть: «...Так как в изученных коллекциях Кавказа миусский кремль представлен единичными орудиями, мелкими осколками и чешуйками, то можно предположить, что *неандертальцы* Северо-Западного Кавказа, индустрии которых были близки памятникам Приазовья, *имели контакты с этими территориями...* Данные по обсидианам позволяют говорить *о связях стоянок восточного микока региона с Центральным Кавказом (200–250 км)*» [Дороничева, 2013б, с. 169–170]. А в разделе «7.3 Способы транспортировки сырья» использовано не менее неудачное выражение: «...можно предположить, что более *широкие ареалы*, в том числе перемещений *каменного сырья*, были *характерной чертой неандертальцев* восточного микока...» [Там же, с. 177]. В этой связи остается лишь сожалеть о трагической судьбе бедных неандертальцев и напомнить, что общаться могут исключительно люди, причем друг с другом, а никак не с территориями!

Заключение

В завершении обзора необходимо, однако, сказать следующее. Основная масса высказанных замечаний не служит свидетельством некачественной работы Е. В. Дороничевой. Напротив, дискуссионность выдвигаемых положений – еще одна, причем главная и ценнейшая черта обсуждаемой диссертации. В отзыве очерчен круг спорных проблем, которые предстоит решать, и таких проблем немало. А это означает, что основная работа еще впереди. Отрадно то, что для этого диссертантом уже создана надежная источниковедческая база, освоена и апробирована корректная методика.

Не вызывает сомнения, что рецензируемая диссертация представляет собой законченное исследование, отличающееся новизной, актуальностью и фундаментальностью. Она имеет четкую практическую значимость. Автореферат полностью соответствует тексту рукописи. Е. В. Дороничева без сомнения заслуживает присуждения искомой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.06 – археология.

В заключение хочу добавить следующее. К тому времени, как выйдет эта статья, пройдет обсуждение рукописи, вызвавшей у меня столько эмоций. Нет сомнения, что защита закончится положительно. Во всяком случае, я очень надеюсь, что мои замечания не сильно осложнят процедуру обсуждения, хотя известное беспокойство, разумеется, они уже доставили Е. В. Дороничевой и еще доставят. На фоне тех благостных отписок, которые

у нее уже имеются, этот отзыв не только наиболее пространный, но и максимально критичный. Разумеется, дело не в моей предвзятости или неистовом желании насолить юному исследователю. К счастью, я весьма далек от этого. Надеюсь, что и читатель правильно поймет мое желание разобраться в затронутой теме и не сочтет случайный повод для этого чем-то неуместным.

Список литературы

- Амирханов Х. А.*. Верхний палеолит Прикубанья / Х. А. Амирханов. – М. : Наука, 1986. – 113 с.
- Аутлев П. У.* История исследования палеолита Губского бассейна / П. У. Аутлев, В. П. Любин // Неандертальцы Гупского ущелья на Северном Кавказе. – Майкоп, 1994. – С. 12–21.
- Аутлев П. У.* Мустьерская стоянка в Губском навесе 1 / П. У. Аутлев // Кавказ и Восточная Европа в древности. – М., 1973. – С. 19–25.
- Бадер Н. О.* Поздний палеолит Кавказа / Н. О. Бадер // Археология СССР. Палеолит СССР. – М., 1984. – С. 272–301.
- Беляева В. И.* Сырье и стоянки верхнего палеолита / В. И. Беляева // Производственные центры. Источники, «дороги», ареал распространения : материалы тематической научн. конф. – СПб., 2006. – С. 27–30.
- Бонч-Осмоловский Г. А.* Грот Киик-Коба / Г. А. Бонч-Осмоловский // Палеолит Крыма. – М. ; Л., 1940. – Вып. 1. – 226 с.
- Борисковский П. И.* Малоизученные поселения древнего каменного века в Костенках / П. И. Борисковский // Очерки по палеолиту бассейна Дона. – Л., 1963. – С. 166–191. – (МИА; № 121).
- Голованова Л. В.* Имеретинская культура в верхнем палеолите Кавказа: прошлое и настоящее / Л. В. Голованова, В. Б. Дороничев // Первобытныи древности Евразии. К 60-летию А. Н. Сорокина. – М., 2012. – С. 59–102.
- Голованова Л. В.* Проблема перехода от раннего к среднему палеолиту на Северо-Западном Кавказе / Л. В. Голованова. – СПб. : ИИМК РАН, 1994. – 129 с.
- Голованова Л. В.* Средний палеолит Кавказа / Л. В. Голованова, В. Б. Дороничев // Археол. альманах. – СПб., 2003. – № 13. – С. 18–66.
- Дороничева Е. В.* Сырьевые стратегии древнего человека в среднем и позднем палеолите на Северо-Западном Кавказе : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Е. В. Дороничева. – СПб., 2013а. – 26 с.
- Дороничева Е. В.* Сырьевые стратегии древнего человека в среднем и позднем палеолите на Северо-Западном Кавказе : дис. ... канд. ист. наук / Е. В. Дороничева. – СПб., 2013б. – 352 с.
- Ефименко П. П.* Костенки 1 / П. П. Ефименко. – М., Л. : Изд-во АН СССР, 1958. – 480 с.
- Жилин М. Г.* О связях населения Прибалтики и Верхнего Поволжья в раннем мезолите / М. Г. Жилин // ТАС. – Тверь, 2000. – Вып. 4, т. 1. – С. 72–79.
- Замятнин С. Н.* Итоги последних исследований Ильского палеолитического местонахождения / С. Н. Замятнин // Тр. второй междунар. конф. АИЧПЕ. – М. ; Л., 1934. – Вып. 5. – С. 2–11.
- Замятнин С. Н.* Очерки по палеолиту / С. Н. Замятнин. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1961. – 176 с.
- Ковнурко Г. М.* К изучению свойств кремня / Г. М. Ковнурко // КСИА. – 1962. – Вып. 92. – С. 97–99.

Ковнурко Г. М. О распространении кремня на территории Европейской части СССР (к вопросу о применении кремня в древней технике) / Г. М. Ковнурко // Новые методы в археологических исследованиях. – М.; Л., 1963. – С. 234–240.

Ковнурко Г. М. Состав, происхождение и вопросы патинизации конкреций кремня : автореф. дис. ... канд. геол.-минерал. наук / Г. М. Ковнурко. – Л., 1971. – 20 с.

Колесник А. В. Средний палеолит Донбасса / А. В. Колесник // Археол. альманах. – Донецк, 2003. – № 12. – 294 с.

Колосов Ю. Г. Аккайская мустьерская культура / Ю. Г. Колосов. – Киев : Наукова думка, 1986. – 223 с.

Колосов Ю. Г. Мустьерские стоянки района Белогорска / Ю. Г. Колосов. – Киев : Наукова думка, 1983. – 208 с.

Любин В. П. Каменный инвентарь мустьерского слоя / В. П. Любин, П. У. Аутлев // Неандертальцы Гупсского ущелья на Северном Кавказе. – Майкоп, 1994. – С. 99–141.

Любин В. П. Мустьерские культуры Кавказа / В. П. Любин. – Л. : Наука, 1977. – 283 с.

Любин В. П. Нижний палеолит / В. П. Любин // Каменный век на территории СССР. – М., 1970. – С. 19–42.

Любин В. П. Палеолит Кавказа / В. П. Любин // Палеолит Кавказа и Северной Азии: Палеолит мира. – Л., 1989. – С. 7–142.

Любин В. П. Ранний палеолит Кавказа / В. П. Любин // Археология СССР. Палеолит СССР. – М., 1984. – С. 45–93.

Любин В. П. Сырьевая база каменных индустрий Кавказа в раннем и среднем палеолите / В. П. Любин, Е. В. Беляева // С. Н. Бибиков и первобытная археология. – СПб., 2009. – С. 59–86.

Наседкин В. В. Вулканическое стекло из стоянок каменного века Краснодарского края и Чечено-Ингушетии / В. В. Наседкин, А. А. Формозов // Археология и естественные науки. – М. : Наука, 1965. – С. 167–170.

Петрунь В. Ф. К петрографической характеристике материала каменных орудий палеолита / В. Ф. Петрунь // Палеолит и неолит СССР. – Л., 1971. – Т. 6. – С. 282–297. – (МИА; № 173).

Пещера Матузка / Л. В. Голованова, В. Б. Дороничев, Г. М. Левковская, С. П. Лозовой, С. А. Несмеянов, Г. А. Поспелова, Г. П. Романова, В. М. Харитонов. – СПб. : Островитянин, 2006. – 194 с.

Римантене Р. К. Палеолит и мезолит Литвы / Р. К. Римантене. – Вильнюс : Минтис, 1971. – 204 с.

Сапожникова Г. В. Хозяйство и культура населения южного Побужья в позднем палеолите и мезолите / Г. В. Сапожникова, Г. Ф. Коробкова И. В. Сапожников. – Одесса ; СПб. : ИИМК РАН, 1995. – 198 с.

Словарь иностранных слов. – М. : Рус. яз., 1989. – 624 с.

Сорокин А. Н. Диалог о генезисе культуры кунда / А. Н. Сорокин // РА. – 2004. – № 3. – С. 79–88.

Сорокин А. Н. Диалог о генезисе кундской культуры / А. Н. Сорокин // ТАС. – Тверь, 2006. – Вып. 6, т. 1. – С. 97–115.

Степанчук В. Н. Нижний и средний палеолит Украины / В. Н. Степанчук. – Черновцы : Зелена Буковина, 2006. – 463 с.

Степанчук В. Н. Поздние неандертальцы Крыма. Киик-Кобинские памятники / В. Н. Степанчук. – Киев : Стилос, 2002. – 215 с.

Сулгостовска З. Поселенческая модель финального палеолита: мазовецкие кремневые мастерские и обитаемые стоянки / З. Сулгостовска // Каменный век Евро-

пейских равнин: объекты из органических материалов и структура поселений как отражение человеческой культуры. – Сергиев Посад, 2001. – С. 90–98.

Тимофеев В. И. Памятники мезолита и неолита региона Петербурга и их место в системе культур каменного века Балтийского региона / В. И. Тимофеев // Древности Северо-Запада России. – СПб., 1993. – С. 8–34.

Треугольная пещера. Ранний палеолит Кавказа и Восточной Европы / В. Б. Дороничев, Л. В. Голованова, Г. Ф. Барышников, Б. А. Б. Блэквелл, Н. В. Гарутт, Г. М. Левковская, А. Н. Молодьков, С. А. Несмеянов, Г. А. Поспелова, Д. Ф. Хоффекер. – СПб. : Островитянин, 2007. – 270 с.

Формозов А. А. Каменноостская пещера – многослойная стоянка в Прикубанье / А. А. Формозов // Палеолит и неолит СССР. – Л., 1971. – Т. 6. – С. 100–116. – (МИА; № 173).

Формозов А. А. Каменный век и энеолит Прикубанья / А. А. Формозов. – М. : Наука, 1965. – 160 с.

Формозов А. А. Пещерная стоянка в Староселье и ее место в палеолите / А. А. Формозов. – М. : Наука, 1958 – 126 с. – (МИА; № 71).

Формозов А. А. Проблемы этнокультурной истории каменного века на территории Европейской части СССР / А. А. Формозов. – М. : Наука, 1977. – 144 с.

Чабай В. П. Средний палеолит Крыма / В. П. Чабай. – Симферополь : Шлях, 2004. – 323 с.

Щелинский В. Е. Ильская мустьерская стоянка. Раскопки 1920–1930-х годов / В. Е. Щелинский, С. А. Кулаков. – СПб. : Европейский дом, 2005. – 95 с.

Щелинский В. Е. Свойства кремневого сырья и техника изготовления орудий мустьерской эпохи / В. Е. Щелинский // Первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене. – М., 1974. – С. 52 – 57.

Gordon B. The Enigma of the Far Northeast European Mesolithic: Reindeer Herd Followers or Semi-Sedentary Hunters? / B. Gordon – Mesolithic on the Move : Oxford : Oxford Books, 2003. – P. 115 – 118.

Schild R. Paleolit schylkowy i koncowy / R. Schild // Materialy do Prahistorii Ziemi Polskich. – Warszawa, 1964. – 276 p.

Schild R., Późny paleolit / R. Schild // Prahistoria Ziemi Polskich. Paleolit i Mezolit. – Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk, 1975. – Т. 1. – P. 159-338.

Schild R. Flint Mining and Trade in Polish Prehistory as seen from the Perspective of the Chocolate Flint in Central Poland. A Second Approach / R. Schild // Acta Archaeologica Carpatica. – 1976. – N 16. – P. 147–174.

Schild R. The Formation of Homogeneous Occupation Units («Kschemenitsas») in Open-Air Sandy Sites and its Significance for the Interpretation of Mesolithic Flint Assemblages / R. Schild // The Mesolithic in Europe. – Edinburg, 1989. – P. 89–98

Sulgostowska Z. Prahistoria międzyrzecza Wisły, Niemna i Dniestru u schyłku plejstocenu / Z. Sulgostowska. – Warszawa : Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1989. – 256 p.

Sulgostowska Z. Final Palaeolithic Masovian Cycle and Mesolithic Kunda culture Relations / Z. Sulgostowska // Tanged Points Cultures in Europe. Read at the International archaeological symposium. – Lublin, 1999. – P. 85–92.

Sulgostowska Z. Kontakty społeczności późnopaleolitycznych i mezolitycznych między Odrą, Dźwiną i górnym Dniestrem. Studium dystrybucji wytworów ze skał krzemionkowych. / Z. Sulgostowska. – Warszawa : Instytut Archeologii i Etnologii PAN, 2005. – 348 p.

Raw Materials Strategies in Paleolithic Practice

A. N. Sorokin

Abstract. The concept of "raw materials strategy of population" is one of the fundamental in geoarcheology. This direction is the most actively developing since the 1970s. in Western Europe, especially in France. The concept of "raw materials strategy" includes the exploring deposits of raw materials, the methods of transportation, the distance at which it is tolerated, and the methods of use. The raw material extraction refers to the "basic livelihood strategies". Application of natural science methods to study natural resources using petrography, X-ray spectrometry and phase analysis permit to determine the origin of the minerals, "fix" parking to specific fields, to clarify the lifestyle of ancient people and their migrations. All of this has brought discipline to a new level. Practice shows that the standard division of stone raw material for "local" (delivered from a distance of 2–5 km) and "brought" (bring a distance of 5 km) does not include the features of specific human behavior, seasonal cycles of its movements and the nature of dependence on raw materials. If a strategy is the production of conscious algorithm of behavior, the question inevitably arises as primitive population was typical of goal-setting in the selection of raw materials and fields, that is the strategy? Biological species survival practice involves natural character collection of raw materials during the seasonal migrations of the population, because for the Middle and Upper Paleolithic deliberate organizing special trips for the stone does not have to assume. That means in relation to prehistoric populations should be developed criteria to distinguish their natural seasonal shifts (nomadic migration) of conscious behavior or otherwise strategy.

Keywords: Mousterian, Upper Paleolithic, North-West Caucasus, raw-materials strategies, production and transportation of raw materials, geoarcheology theory, seasonal cycle, petroarcheology, spectrometry.

Сорокин Алексей Николаевич

доктор исторических наук
ведущий научный сотрудник,
Институт археологии РАН
117036, Россия, г. Москва,
ул. Дм. Ульянова, 19
тел.: 8(499)126-87-17
e-mail: ansorokin@rambler.ru

Sorokin Aleksey Nikolaevich

Doctor of Sciences (History)
Leading Researcher, Institute
of Archaeology RAS
19, Dm. Ulianova st., Moscow, Russia,
117036
tel.: 8(499)126-87-17
e-mail: ansorokin@rambler.ru